

DOI: 10.31857/S013038640018264-8

© 2022 г. А.А. УЛУНЯН

БРИТАНСКОЕ НЕПРИЗНАНИЕ БУХАРСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ В 1922 ГОДУ: ОЦЕНКИ, ПРОГНОЗЫ И МЕХАНИЗМ

Улунян Артем Акопович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: draugab345@gmail.com

Scopus Author ID: 38661899300

Аннотация. Статья посвящена изучению и оценке британцами ситуации в Бухаре, сложившейся зимой 1921–1922 гг., сразу после раскола союза большевиков и младобухарцев, который осенью 1920 г. привел к созданию т.н. Бухарской Народной Советской Республики (БНСР). На основе британских архивных источников в статье исследуются процесс принятия решений, прогнозы будущего развития и освещается механизм взаимодействия между различными учреждениями администрации Британской Индии и ее решения по англо-бухарским отношениям. Соединенному Королевству было необходимо предотвратить любую угрозу своим индийским владениям. Поэтому признание независимой государственности Бухары сразу после свержения эмира большевиками и младобухарцами и установления просоветского режима приобрело особую важность. Проблема признания затрагивала широкий круг вопросов, в том числе британских позиций на Востоке, связей Британии с отдельными странами региона, в первую очередь с Афганистаном, и установление отношений с Советской Россией, которая, с одной стороны, проявляла свою заинтересованность в налаживании отношений с Британией, а с другой – занималась антибританской деятельностью на Востоке, главным образом в Индии. Афганские власти, преследовавшие собственные цели в Центральной Азии, настойчиво обращались к англичанам с призывом признать независимость Бухары, ссылаясь на советский и афганский примеры. Британские дипломаты осторожно реагировали на все обращения, не теряя из виду афганские планы и цели Лондона. Их окончательный отказ от участия в бухарском хаосе вызван в большей степени отсутствием реальной силы, на которую англичане могли бы опереться. Таким образом, сама идея британского признания оказалась нежизнеспособна из-за характера марионеточного режима, установленного в БНСР, и из-за нежелания британцев обострять отношения с Советской Россией.

Ключевые слова: Афганистан, Бухара, Великобритания, Индия, государственная независимость, Советская Россия, Центральная Азия, внешняя политика, государственное строительство, дипломатическое признание.

A.A. Ulunyan

The British Non-Recognition of Bukhara's Independence in 1922: Assessments, Forecasts, and Mechanism

Artyom Ulunyan, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: draugab345@gmail.com

Scopus Author ID: 38661899300

Abstract. The article examines the British vision and assessments of the situation in Bukhara in the winter of 1921–1922, immediately after the split of the Union of Bolsheviks and Young Bukharans, which

previously led to the creation of the so-called Bukhara People's Soviet Republic in the fall of 1920. Drawing on British archival sources, the article examines the decision-making process and projections for future development and outlines the mechanism of interaction between the various institutions of the British Indian administration and its decisions regarding Anglo-Bukharian relations. The United Kingdom needed to prevent any threat to its Indian possessions. Therefore, the recognition of the independent statehood of Bukhara immediately after the overthrow of the emir by the Bolsheviks and the Young Bukharans, and the establishment of the pro-Soviet regime, became particularly important. The problem of recognition affected a wide range of issues, including British positions in the East, its relations with individual countries of the region, primarily with Afghanistan, and the establishment of relations with Soviet Russia, which, on the one hand, showed its interest in promoting them, and on the other, engaged in anti-British activities in the East with an emphasis on India. The Afghan authorities, pursuing their own goals in Central Asia, persistently appealed to the British to recognize the independence of Bukhara, referring to the Soviet and Afghan examples. British diplomats reacted cautiously to all appeals, without losing sight of the Afghan plans and goals of London. Their final refusal to participate in the Bukhara chaos is caused, to a greater extent, by the lack of a real force on which the British could rely. Thus, the very idea of British recognition turned out to be unviable because of the nature of the puppet regime established in the BNSR, and because of the unwillingness of the British to aggravate their relations with Soviet Russia.

Keywords: Afghanistan, Bukhara, Central Asia, Great Britain, India, independence.

Участие Британии в делах Центрально-Азиатского региона в первой четверти XX в. стало самостоятельным историографическим направлением и продолжает сохранять свою актуальность по мере увеличивающегося объема доступных архивных материалов как британского и российского происхождения, так и отложившихся в хранилищах других стран, имевших непосредственное отношение к событиям в регионе. Независимые государственные образования в Центральной Азии в виде Бухарского эмирата и Хорезмского государства (Хивинского ханства), являвшиеся автономными в составе Российской империи, просуществовали недолго — со времени Февральской революции 1917 г. до 1920 г., когда Красной армией в Хиве 2 февраля был свергнут Саид Абдуллахан, а в Бухаре 2 сентября — Сеид Алим-хан. На протяжении 1917–1920 гг. наблюдалась уникальная ситуация с точки зрения общего политического положения в регионе: наряду с этими государствами в Центральной Азии существовала созданная большевиками и находившаяся под их контролем советская Туркестанская республика — своеобразный плацдарм для развертывания революции на Востоке. Отказ Лондона от дальнейшего военно-политического присутствия в Закаспийской области, длившегося с августа 1918 г. по август 1919 г. и проходившего на фоне боевых действий как в самом регионе, так и в условиях англо-афганской войны (3 мая — 8 августа 1919 г.), был во многом обусловлен ограниченностью ресурсов британской стороны и изменениями, происходившими в регионах Ближнего и Среднего Востока, традиционно входивших в сферу британских интересов¹. Одновременно серьезные изменения затронули систему международных отношений в целом, что было обусловлено появлением на внешнеполитической арене Советской России, руководство которой стремилось укрепить позиции на Востоке, видя в восточных государствах союзника в борьбе с европейскими державами, и прежде всего Великобританией. Учитывая колониальные владения последней, в которых усиливались антибританские по своим целям и задачам общественно-политические движения, Лондону необходимо было принять соответствующие меры на внутриимперском уровне и проводить соответствующую внешнюю политику, частью которой было

---

¹ О роли и месте Центрально-Азиатского региона в восточной политике Британии в эти годы см.: *Удунян Ар.А.* Туркестанский плацдарм. 1917–1922. Британское разведывательное сообщество и британское правительство. М., 2019.

российское направление². Политический курс советского руководства, рассчитывавшего на признание Британией РСФСР и установление столь необходимых для советской стороны торговых отношений с Британией, тем не менее, сопровождался негласными, направленными на подрыв английских позиций на Востоке действиями, предпринимавшимися как по линии государственных органов, так и формально не связанного с советскими властями Коммунистического интернационала. В свою очередь, Лондон пытался добиться от советского режима отказа от этого курса в обмен на подписание торгового соглашения. Большевики планировали ликвидировать последние независимые государства Центральной Азии в виде Бухары и Хивы, что и удалось им сделать с опорой на местные реформаторские силы в лице младохивинского и младобухарского движений, созданных частью местных джадидов³. Вскоре стало ясно, что планы большевиков не предусматривали существование неподконтрольных им государственных образований, и начавшееся в регионе повстанческое движение превратилось в серьезную угрозу советской власти в регионе. В этой связи была сделана ставка на бежавших из Европы отдельных деятелей младотурецкого движения, разделявших пантюркситские и панисламистские взгляды, в частности, Энвер-пашу⁴ и Джемаль-пашу⁵, в свое время осужденных за военные преступления и геноцид армян в Османской империи и бежавших в Россию, где большевистское руководство намеревалось их использовать в своих интересах на Востоке. Осенью 1921 г. для ликвидации антибольшевистского движения в Центральную Азию из Москвы был направлен Энвер-паша, которому предстояло заручиться поддержкой «мусульманских масс» в борьбе против разворачивавшегося басмаческого движения. Однако расчет советского руководства оказался ошибочным: Энвер-паша перешел на сторону восставших и попытался взять движение под свой контроль. Более того, в руководстве созданной 8 октября 1920 г. Бухарской Народной Советской Республике (БНСР) образовалась группа лиц, недовольная действиями РСФСР, которая признавала независимость нового государства только на бумаге. В декабре 1921 г. глава БНСР Усман Ходжаев, а также ряд назиров (министров) перешли на сторону басмаческого движения. На этом фоне усилилась активность Афганистана в Центральной Азии, стремившегося усилить здесь свое влияние и при определенных условиях покровительствовать формально признанным независимым государствам – Хорезмской Народной Советской Республике и особенно БНСР. Британская сторона была серьезно обеспокоена, так как происходившее могло негативно повлиять на ситуацию в британской Индии,

² Подробнее об особенностях развития и становления советско-британских отношений в этот период см.: *Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг. От интервенции к признанию. СПб., 2019.

³ Джадизм – идеологическое направление, распространившееся среди российских мусульман в начале XX в., было ориентировано на модернизацию образования. О действиях большевиков в Бухаре и Хиве см.: *Генис В.Л.* «Бутафорская революция», или российское полпредство в Хиве в 1920 г. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2000. № 2. С. 5–26; *Его же.* «С Бухарой надо кончать...» К истории бутафорских революций. Документальная хроника. М., 2001.

⁴ *Dumont P.* La fascination du bolchevisme: Enver pacha et le parti des soviets populaires, 1919–1922 // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1975. Vol. 16. № 2. P. 141–166; *Erşan M.* Hüsein Fevzi Bey'in, Enver Paşa – İslam İhtilal Cemiyetleri İttihadı – Anadolu ilişkilerine dair raporu // Turkish Studies International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. 2009. Vol. 4/3. S. 952–975; *Yenen A.* The Other Jihad: Enver Pasha, Bolsheviks, and Politics of Anticolonial Muslim Nationalism during the Baku Congress 1920 // The First World War and its Aftermath: The Shaping of the Middle East / ed. T.G. Fraser. London, 2015. P. 273–293.

⁵ Об использовании Джемаль-паши советским руководством на «афганском направлении» см.: *Тихонов Ю.Н.* Джемаль-паша в Афганистане и Советской России в 1921–1922 гг. // Восточный архив. 2010. № 2 (22). С. 50–62; *Шерстюков С.А.* Энвер-паша, Джемаль-паша и Талаат-паша между Москвой и Берлином (1918–1922) // Восток: Афро-азиатские общества: история и современность. 2018. № 4. С. 55–69.

имевшей общие границы с Афганистаном – буферным государством между британскими владениями и становившейся советской Центральной Азией.

В этой связи любые события, связанные с Бухарой, включая судьбу ее бывшего эмира Сеид Алим-хана, а также действия соседних с ней государств, прежде всего Афганистана, находились в центре внимания британской администрации Индии, в чью зону ответственности входили взаимоотношения со странами региона.

Тем временем ситуация в бывшем бухарском эмирате свидетельствовала о расширении повстанческого антисоветского движения. По линии Разведывательного бюро Северо-Западной пограничной провинции, находившегося в Пешаваре, в первой половине февраля 1922 г. британская администрация получила сведения о распространившихся слухах относительно возвращения бухарского эмира в связи с тем, что «большевики и джаиды потеряли серьезное поражение от контрреволюционных сил, которые ныне заняли все горную часть Гиссарской области»⁶. Это могло серьезно повлиять на расстановку сил в бывшей российской Центральной Азии и приграничных территориях соседних с ней государств. Поэтому от решения «бухарского» вопроса зависела дальнейшая судьба большого региона, что, разумеется, понимали все участники борьбы за влияние в нем. Находившийся в Кабуле глава британской миссии в ранге министра⁷ – подполковник Ф.Г. Хамфрис – сообщал в специальном письме от 21 марта 1922 г. в Департамент по международным и политическим делам британской администрации Индии о состоявшейся в среду (т.е. 15 марта) продолжительной и весьма откровенной беседе с афганским эмиром Аманулло-ханом⁸.

Кабульский правитель сообщил собеседнику две свои неотложные просьбы, неизвестные, как он особо отметил, главе афганского МИД М. Тарзи, одна из которых касалась публичного признания британским правительством независимости Бухары и Хивы. Серьезность этого шага была очевидна для британской стороны, учитывавшей внутривнутриполитические процессы в Центральной Азии и события, происходившие в регионе, а также ее взаимоотношения как с Афганистаном, так и Советской Россией. Секретарь по иностранным делам британской администрации Индии Д. Брэй, ознакомившийся с сообщением подполковника, сделал 1 апреля 1922 г. не оставлявшие сомнений в его отрицательном отношении к этой просьбе пометки: «В каком виде? Республики или эмирата?»⁹.

В то же время в конце марта 1922 г. по линии Разведывательного бюро Северо-Западной провинции отмечалось широко распространенное мнение, что кабульский правитель «находился в контакте и контролировал в собственных интересах ситуацию в Бухаре»¹⁰. Помимо этого, как стало известно в бюро, так называемые контрреволюционные силы активно действовали в Фергане, а противостоявшие им республиканские бухарцы не проявляли решительности. Одновременно обращалось внимание на поведение представителя БНСР, который, как сообщалось, находился в хороших отношениях с бывшим эмиром и афганским правителем. Считая Бухару независимой от «большевистского контроля», в бюро отмечали, что «войска, противостоявшие контрреволюционерам или басмачам, как называли их русские, являются большевистскими и ими руководят командиры-большевики»¹¹. Такая оценка во многом соответствовала действительности.

⁶ National Archives of India (далее – NAI). Identifier PR_000003030695. File No. Home_Political_NA_1923_NA_F-160_Part-Iii. Repository II. Question of Recognition by HM Government of the Independence of Bokhara and Khiva. Situation in Russian Turkestan and Bokhara. Extract from the North West Frontier Province Intelligence Bureau Diary N 7 for week ending 16th February 1922. P. 3.

⁷ Министр – ранг дипломатического представителя.

⁸ NAI. Extract from a letter, dated 21th March 1922 from Lieutenant-Colonel F.H. Humphrys, C.J. E., His Majesty's Minister at Kabul. P. 8.

⁹ Ibid. P. 9.

¹⁰ Ibid. Extract from Intelligence Bureau, North-West Frontier Province, Diary N 13 for week ending the 30th March 1922. P. 13.

¹¹ Ibid. P. 14.

В специальном письме главе Форин офиса лорду Керзону, направленном 30 марта 1922 г. и полученном в Лондоне 24 апреля, Хамфрис сообщил о своей беседе с афганским правителем и о заявлении эмира относительно отправки министра иностранных дел М. Тарзи на время в Джелалабад «поменять атмосферу» и решении взять на себя обязанности министра иностранных дел. Последнее, как следовало из содержавшейся в письме информации, было обусловлено серьезными обстоятельствами. После нескольких наводящих вопросов Аманулла-хана Хамфрису относительно некоего тайного послания от британского монарха, а также о степени знакомства подполковника с неким секретным делом, обсуждавшимся афганским эмиром с предыдущим британским посланником Г. Доббсом, и уклончивых ответов британца кабульский правитель сообщил достаточно важную информацию. Доббс и эмир обсуждали заключение договора «об исключении России из Афганистана», что было известно Хамфрису, но последующие заявления были для него неожиданными, так как о деталях не был осведомлен даже глава афганского МИД М. Тарзи¹². «В Восточной Бухаре существовала сильная партия, которая уже боролась за полное признание независимости своей страны. Эта партия не смогла бы добиться успеха без его (Аманулла-хана. — А.У.) помощи из-за присутствия российских войск в городе Бухара. Он искренне настаивал на публичном признании независимости Бухары и Хивы британским правительством и указал на то, что независимость этих двух государств уже была признана Россией и Афганистаном»¹³. На вопрос Хамфриса относительно смысла британского признания, как писал подполковник, «после некоторого колебания он (Аманулла-хан. — А.У.) ответил, что, по его мнению, это заставит русских эвакуироваться из Бухары и оставить страну в покое. Случай с Хивой, которая находилась далеко от его границ, имел второстепенное значение для Афганистана, но на самом деле был неотделим от... Бухары». Подполковник отметил, что официальные заявления британского правительства в подобных случаях делались ранее только после тщательного обсуждения и принятия решения. В случае Бухары, как отмечал подполковник в беседе с Аманулла-ханом, стоял вопрос, являлась ли она ханством или республикой и на признание британским правительством какого режима рассчитывал эмир?¹⁴ Последний был озадачен поставленным вопросом и спросил у своего собеседника, какую форму правления он считал наиболее подходящей. Ответив в свойственной для дипломатов манере, что народ сам должен решать это, Хамфрис в то же время заметил, что присутствие советских сил в Бухаре означает для иностранцев ее зависимость от России. Сам афганский правитель согласился с ним, заявив, что присутствие Красной армии, терроризирующей население, не может обеспечить свободного волеизъявления народа Восточной Бухары, который мог поддержать как бывшего эмира, так и его сына. Одновременно он сообщил о наличии у него определенных обязательств перед бухарцами и хивинцами, и «он беспокоился о том, чтобы граница с Россией была как можно более ограничена. Фергана на востоке давно боролась за свою независимость; если бы она была получена, а Бухара была очищена от русских, северную границу Афганистана было бы гораздо легче защитить»¹⁵.

Аманулла-хан вновь во время беседы обратился к Хамфрису с прошением о признании британским правительством независимости Бухары и Хивы. Подполковник предупредил, что «если конституция двух государств в действительности не определена, то его просьба не имеет силы»¹⁶. Аманулла-хан «лелеял надежды восстановить в Бухаре бывшего эмира, которого он считает неудобным гостем, и таким образом не только получить поддержку своих собственных

¹² [N 3859/6/97] No. 3. Colonel Humphreys to the Marquess Curzon of Kedleston. — (Received April, 24) (No. 4) // Correspondence respecting Afghanistan. Confidential. Part 1. January to December 1922. Printed for the use of the Foreign Office. UK. 1922. P. 24.

¹³ Ibidem.

¹⁴ Ibid. P. 25.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Ibidem.

подданных, но в целом всего исламского мира, а также обезопасить уязвимую часть границы от угрозы проникновения русских»¹⁷ – к такому выводу пришел британский министр.

Телеграмма аналогичного содержания была направлена Хамфрисом 29 марта 1922 г. заместителю секретаря британского индийского правительства по международным и политическим делам Э.Б. Хоувеллу. Вопрос о признании независимости Бухары и Хивы, как становилось ясно из комментария на этом послании, сделанном британским чиновником, воспринимался им крайне осторожно, и он отмечал, что данное дело так и не продвинулось. Имея в виду, что это было уже повторное обращение из Кабула относительно направления подобной телеграммы в Форин офис, в совместном заключении Военного департамента, Департамента внутренних дел и Департамента Центральной разведки говорилось, что «Правительство Его Величества может найти послание эмира (Афганистана. – А.У.) как представляющее определенный интерес в связи с приближающейся Генуэзской конференцией»¹⁸. В документе оценивалась и позиция афганского правителя: «каковым бы ни было отношение эмира к эмиру Бухары, нетрудно обнаружить в его нынешнем действии (призыв британцев признать независимость Бухары и Хивы. – А.У.) его собственную заинтересованность в оправдании заявленной политики одобрения и поддержки независимости Бухары»¹⁹. При этом подчеркивалась «пронизанность» этой политики «панисламистским духом» и откровенным расчетом на получение выгод среди мусульман и «создание конфедерации мусульманских государств в Центральной Азии под его руководством», что было особенно важно с учетом британских позиций и интересов на мусульманском Востоке. В случае неудачи реализации плана, отмечалось в анализе, позиции Амануллы-хана ослабевали²⁰.

В заключение следовало, что признание независимости Бухары и Хивы не видится возможным. Но было высказано предложение (с явным намерением показать невозможность вмешательства в бухарско-хивинские дела) в случае необходимости изучения данной темы «сообщить о наших взглядах Правительству Его Величества, перенаправить данную телеграмму в Симлу с материалами, касающимися бухарского эмира», а также сведениями, полученными из Мешхеда и Пешавара о положении дел в Бухаре, Хиве, о Джунаид-хане и о басмаческом движении с центром в Фергане²¹. Замечания Хоувелла на документе свидетельствовали о его двояком отношении к происходящему. С одной стороны, он однозначно отверг отправку этого сообщения как имеющего особый преференциальный статус перед другими. Но в то же время, отметив, что данный вопрос – признание бухарской независимости – не изучался, замсекретаря соглашался с тем, что он выглядел срочным. Его патрон – секретарь по иностранным и политическим делам британской администрации Индии Д. Брэй, наложивший 4 апреля 1922 г. окончательную резолюцию на документ, сообщал о необходимости заняться данным вопросом как в связи с важной телеграммой, полученной из Мешхеда, так и с учетом некоего «секретного доклада» начальника Генерального штаба (британской индийской армии),

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ NAI. Identifier PR_000003030695. File No. Home_Political_NA_1923_NA_F-160_Part-Iii. Repository II. Question of Recognition by HM Government of the Independence of Bokhara and Khiva. Situation in Russian Turkestan and Bokhara. Telegram from His Majesty's Minister at Kabul, N 18, dated (and received) the 29th Serial N 1, March 1922. Regarding recognition of the independence of Bokhara and Khiva by His Majesty's Government. P. 3.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Ibidem. О существовавших в Афганистане планах создания регионального государства в составе Афганистана и Центральной Азии см.: *Sirdar Iqbal Ali Shah. The Federation of the Central Asian States under the Kabul Government // Journal of the Central Asian Society. 1921. Vol. VIII. Part I. P. 29–48.*

²¹ NAI. Identifier PR_000003030695. File No. Home_Political_NA_1923_NA_F-160_Part-Iii. Repository II. Question of Recognition by HM Government of the Independence of Bokhara and Khiva. Situation in Russian Turkestan and Bokhara. Telegram from His Majesty's Minister at Kabul, N 18, dated (and received) the 29th Serial N 1, March 1922. Regarding recognition of the independence of Bokhara and Khiva by His Majesty's Government. P. 4.

направленного в Лондон отдельно. Он распорядился переделать проект послания по данной проблеме в «более широком смысле» и передать его вице-королю Индии Р.Д. Айзексу²².

Новый текст телеграммы, направленной Айзексу в тот же день Брэйем, имел вполне однозначное содержание: в случае признания британской стороной независимости Хивы и Бухары «советское правительство не будет иметь формальных оснований для протестов, так как оно само сделало это»²³. Однако «войска, которые противостоят контрреволюции, являются большевистскими и под командованием большевистских командиров», а советское признание [независимости] носит номинальный характер». В этой связи выражалось согласие с мнением британского посла в Кабуле Хамфрисом о преждевременности признания этих двух государств, но при этом предлагалось объяснить подобное отношение британской стороны отсутствием в обоих образованиях фактических правительств, которые предстояло признать²⁴. В тексте проекта телеграммы обращалось внимание как на полученные из Мешхеда сведения о расширявшемся в Туркестане восстании, что требовало проявлять все большую осторожность, так и на материалы секретного доклада, направленного директору военной разведки, содержавшегося в телеграммах начальника Генерального штаба 30 и 31 марта 1922 г. На основании разрозненных данных в Иностранном департаменте британской администрации Индии приходили к выводу о возможных совместных действиях бывшего бухарского эмира и Энвер-паши с целью поднятия восстания в Туркестане для борьбы против большевиков и о возможном вмешательстве афганской стороны. Целью Амануллы-хана предполагалось восстановление власти свергнутого бухарского эмира и получение Афганистаном «гегемонии над мусульманскими государствами Центральной Азии»²⁵. Не меньшее внимание уделялось собственно плану Энвера-паши, но констатировалась невозможность «определения в настоящий момент, собирается ли Энвер, надеясь на возвращение в Турцию или полагая, что игра в Турции закончена, играть в одиночку, или он действует в соответствии с пантуранскими и панисламскими чувствами, либо он действует в связке с неким широким движением»²⁶.

Таким образом, вопрос о признании независимости Бухары (как и Хивы) британской стороной зависел от комплекса факторов, одним из которых являлась деятельность Энвер-паши. Внимание британских разведывательных служб и дипломатии было сконцентрировано на его фигуре, и любая информация о нем, включая публикации в местной прессе, отслеживалась особенно тщательно, вплоть до предоставления отдельных выдержек и полнотекстовых переводов статей из выходявших в регионе газет в подразделения британской администрации Индии. Так, в частности, по линии Разведывательного бюро в Пешаваре в Симлу сообщалось о публикации в афганской газете «Ислах» материалов о борьбе Энвер-паши против большевиков в Восточной Бухаре и осаде его силами Душанбе, в котором находился советский гарнизон²⁷. Одновременно отмечалось, что Усман Ходжаев (Усманходжа Пулатходжаев), Президент Бухарской республики (Председатель ЦИК Советов Бухарской Народной Советской Республики), прибыл

²² Ibidem.

²³ Ibid. Telegram P., N 403-S, dated the 4th April 1922. From – The Foreign Secretary to the Government of India in the Foreign and Political department, Simla. To – The Private Secretary to His Excellency the Viceroy, Viceroy's Camp. P. 5.

²⁴ Ibidem.

²⁵ Ibidem.

²⁶ Ibidem. Пантуранизм – идеологическая концепция и политическая практика ряда радикальных сил, направленная на объединение тюркских, угро-финских, алтайских и уральских народов с целью создания широкого объединения.

²⁷ Ibid. Serial N 11. Letter from His Majesty's Minister at Kabul. N 20 dated the 30th March (received the 6th April) 1922. Forwards copy of a dispatch addressed to the Foreign Office reporting Amir's request for recognition by His Majesty's Government of the Independence of Bokhara and Khiva. P. 6.

в Афганистан со стороны приграничного Мазари-Шарифа вместе с несколькими своими соратниками и получил убежище у правительства Афганистана²⁸. В приводимом переводе статьи сообщалось, что «хотя обе стороны в Бухаре совместно борются за свободу и Советы признали независимость, все еще не понятно, почему большевики сражаются в противоречии со своим договором и против желания жителей до такой степени, что большое число бухарских беженцев эмигрируют ежедневно на афганскую территорию и сообщают об ужасных впечатлениях относительно происходящих там событий»²⁹.

Подобные сведения и досье активно собирались Иностранным департаментом британской администрации Индии, и среди соответствующей документации находились как материалы о бывшем эмире Бухары, так и его переписка с обращениями об оказании помощи в период, когда он был в Гиссаре. Важная оперативная информация о ситуации в Бухаре, Хиве, а также о басмаческом движении поступала по линии военной разведки от военного атташе в Мешхеде капитана Дж.Э. Стрэттона. За процессом сбора данных следил лично замсекретаря Департамента по иностранным и политическим делам Э.Б. Хоуэлл, создав «Бухарскую папку». Эта тема продолжала играть достаточно важную роль в афгано-британских отношениях. Полученное 5 апреля 1922 г. в Симле новое письмо от Хамфриса лишней раз свидетельствовало об этом, так как в нем сообщалось о состоявшейся у него беседе с Амануллой-ханом, который обращался к британской стороне с просьбой о признании независимости Бухары и Хивы. В представленном в Департамент 8 апреля 1922 г. совместном анализе этого послания, сделанном Военным департаментом, Департаментом внутренних дел и Управлением разведки, отмечалось, что эта беседа откровенно демонстрировала желания и беспокойность афганского правителя как по поводу собственно границ его государства, так и относительно «безопасности ханств, в которых он заинтересован»³⁰. Авторы аналитического резюме делали вывод, что при переговорах с Хамфрисом от эмира не ожидалось на тот момент откровений об амбициях последнего доминировать над ханствами, а также о его договоренностях с Энвером-пашой, но выражалось пожелание получить более точную информацию о совместных планах афганского правителя и бывшего бухарского эмира, а также Энвер-паши в деле развертывания движения в регионе³¹.

В аналитической записке трех департаментов британской администрации Индии отмечались серьезные возражения по сути предлагаемой Амануллой-ханом формулы признания: она была аналогична содержавшейся в советско-афганском договоре относительно признания независимости двух ханств, «оставляя на будущее точную форму и статус последних», что «было бы вероятно не приемлемо для Правительства Его Величества»³². Окончательное решение оставалось за Лондоном, куда и следовало передать информацию о предложении афганского эмира. Ответить кабульскому правителю предполагалось в следующей, «рассчитанной на перспективу» форме: «Правительство Его Величества уже официально проводит разграничение между государствами Бухара и Хива и остальной частью российской Средней Азии, и то, что невыполнение правительством России требований, выдвигаемых правительством Его Величества, может со временем дать последнему существенное основание для признания независимости этих государств, имея в виду обеспечение желательности прямых отношений с ними»³³. Однако такая размытая формулировка порождала у авторов определенные сомнения, в связи с чем им «казалось, что нет необходимости [дальнейших] спекуляций как по этому,

---

²⁸ Ibidem.

²⁹ Ibidem.

³⁰ Ibidem.

³¹ Ibidem.

³² Ibid. Extract from a letter from Lieutenant-Colonel F.H. Humphry, to Mr. Denys Bray, dated the 15th April 1922. P. 7.

³³ Ibidem.

так и по другим вопросам, поднятым в письме», и они считали представляющим наибольшую ценность вопрос «обеспокоенности эмира относительно более ограниченных контактов с Россией на севере и это должно быть обеспечено до определенной степени на Генуэзской конференции в случае ее окончания с какими-либо положительными и полезными договоренностями с Россией. Можно было бы, однако, добавить, что эмир продолжает надеяться на возможность передачи ему территории Пенджде»³⁴. В своей резолюции на представленном аналитическом резюме Э.Б. Хоуэлл, имея в виду амбиции Амануллы-хана, сослался на опыт Х. Доббса — бывшего британского посла в Кабуле, который вел многомесячные переговоры с афганской стороной после англо-афганской войны, заключив 22 ноября 1921 г. с Афганистаном мирный договор, и, «похоже, имел подлинное понимание образа мыслей эмира»³⁵. Одновременно он отметил, что мнение самого нынешнего британского представителя Хамфриса неясно и он, Хамфрис, не понимает, что поднятый вопрос является частью упоминавшейся ранее в дипломатической переписке проблемы. Как оценка действий подполковника, так и анализируемая в записке тема привлекли внимание главы Иностранного департамента Д. Брэя, представившего свои мысли в виде комментария 9 апреля 1922 г.: он оправдал позицию Хамфриса незнанием о событиях в Туркестане, тогда как последняя часть беседы с афганским правителем была тесно связана с предварительными вопросами об исключительном договоре и с секретными посланиями короля. Брэй полагал необходимым проинформировать британское правительство относительно данных «предварительных вопросов» (по вопросу особых отношений с Британией) с тем, чтобы «сделать возможным получение просьбы эмира о признании независимости Бухары и Хивы в подобающей форме»³⁶. Брэй не был сторонником взглядов Доббса на характер дальнейших взаимоотношений Британии с Афганистаном, а суть политической линии, которую он собирался проводить по отношению к Кабулу, была им определена достаточно откровенно. Отдав дань проницательности Доббса и отметив, что он «был явно прав, полагая, что эмир (Афганистана. — А.У.) будет форсировать события, хотя, возможно, он сомневался, что сделал бы это, если бы не вмешательство Энвер-паши», глава Иностранного департамента сослался на мнение бывшего британского посла в Кабуле, что необходимо «обратить взгляд эмира на Среднюю Азию, чтобы отвлечь его от Индии»³⁷. Однако задача «перенаправления» интересов кабульского правителя оказывалась в реальных условиях довольно сложной из-за недостаточной осведомленности о подлинном масштабе вовлеченности афганской стороны в центральноазиатские дела и об имеющихся у нее планах³⁸. Брэй считал, что, если Аманулла-хан «попытается и потерпит неудачу, и возникнет опасность для Афганистана, мы (британцы. — А.У.) сами будем свободны от ответственности; эмир будет сам для себя Франкенштейном»³⁹. Однако при положительных результатах и возникновении опасности для Индии, как полагал секретарь, британская сторона оказалась бы непричастна к подобному развитию событий. Он также выражал сожаление о задержке с прибытием британского представителя в Кабул, что «помешало нам дать эмиру совет и предупреждение, за которые мы выступали в глубине души»⁴⁰.

Сложность складывавшейся в бывшей российской Центральной Азии ситуации превращала вопрос признания независимости Бухары и Хивы (последнее занимало меньшее место в британских планах) фактически в особое направление британской политики

³⁴ Ibidem.

³⁵ Ibidem.

³⁶ Ibidem.

³⁷ Ibidem.

³⁸ Ibidem.

³⁹ Ibidem.

⁴⁰ Ibidem.

в Центральной Азии. Точка зрения Д. Брея на характер дальнейших действий Британии получила дополнительные аргументы благодаря письму Хамфриса от 15 апреля 1922 г., в котором сообщалось: «Эмир вцепился в бухарский пирог», в то время как советский представитель в Кабуле Ф. Раскольников высказывал «обеспокоенность деликатностью русско-афганских отношений», Энвер-паша вел «серьезную игру в Туркестане», суть которой подполковник пытался понять, а некий министр советского бухарского правительства был вовлечен в интриги по возвращению к власти бывшего эмира⁴¹.

При его личной встрече с Р. Айзексом, как отмечал сам секретарь по международным и политическим делам в своем резолютивном комментарии 21 апреля 1922 г. по поводу полученных из Кабула документов, вице-король в целом согласился со взглядами Брея⁴².

Публиковавшаяся в англоязычной британско-индийской прессе, в частности газетах «The Times of India» и «The Pioneer Mail and Indian Weekly News», информация о ситуации в бывшей российской Центральной Азии, в том числе в Бухаре, свидетельствовала о хорошей осведомленности изданий благодаря прибывавшим в Афганистан и в западную часть британской Индии представителям разных социальных и профессиональных групп, а также участникам событий. Департаменты британской администрации внимательно отслеживали эти публикации, являвшиеся частью «документального нарратива», использовавшегося в практических целях. Особый интерес для британской стороны представляла расстановка сил в афганских политических кругах, такие сведения шли только по дипломатическим и разведывательным каналам, в местной прессе эта тема не получала достаточного освещения по многим объективным и субъективным причинам.

Упоминание Аманнулой-ханом в беседе с Хамфрисом об отсылке главы афганского МИД в Джелалабад для «смены атмосферы» и сокрытии от него важных фактов переговоров с Доббсом и собственных планов в Центральной Азии наводило британцев на подозрения относительно существовавших между эмиром и Тарзи противоречиях, несмотря на их родственные отношения (дочь последнего, Сорайя, являлась женой афганского правителя). Как биография, так и политическая деятельность Тарзи давали основания для подобных предположений. В годы нахождения в ссылке со своей семьей с 1881 г. по 1902 г. в Османской империи он сблизился с представителями реформистских и младотурецких кругов. В 1919 г., уже после англо-афганской войны, в очередном, третьем выпуске специального бюллетеня «Центральная Азия, Персия, Афганистан и большевистское и панисламистское движения, и сопутствующая информация» Форин офис отмечал, что «у эмира и Махмуда Тарзи преобладают амбиции сделать Афганистан сильным независимым государством и расширить его границы, но они не осознают полностью ни слабость своих ресурсов, ни свою экономическую зависимость от Индии. Они считают наши пуштуноязычные племена афганской ирредентой, которая, как они надеются, в конечном итоге заставит нас уступить им, но в то же время мы полагаем, что они считают перспективы экспансии в Центральной Азии наиболее обнадеживающими. Они стремятся закрепить это, если возможно, дружеским соглашением с большевиками. Последнее, похоже, беспокоит Москву, которая должна отказаться от своих коммунистических принципов в реализации целей в Центральной Азии и превратить враждебность в отношении Британской империи единственным условием их дружбы и поддержки и использовать панисламизм в качестве своей основной пропаганды. Этой политике способствуют антибританские и панисламские настроения Махмуда Тарзи»⁴³.

⁴¹ Ibid. P. 9.

⁴² Ibid. [Notes in the Foreign and Political Department. 21-4-22. Denys Bray]. P. 9.

⁴³ British Library. India Office Records and Private Papers, IOR/L/PS/18/A186. Central Asia, Persia, Afghanistan, &c. Bolshevik and Pan-Islamic Movements and connected information. Iss. No. 3. Supplement. 1st to 31st December 1919. 1920. P. 13, 14. — The Qatar Digital Library // URL: https://www.qdl.qa/en/archive/81055/vdc_100078909954.0x00000f (дата обращения: 18.03.2021).

Данные оценки фигуры министра сохранялись у британской стороны и позже, поэтому полученная в Симле 23 апреля 1922 г. из Кабула телеграмма от Хамфриса привлекала, с одной стороны, внимание анализировавшего ее заместителя секретаря по иностранным и политическим делам Э.Б. Хоуэлла, а с другой — не произвела на него сильного впечатления. Прежде всего, он отмечал, что беседа была с Тарзи, а не с эмиром, что могло указывать на угасающий интерес со стороны афганского правителя к «северной авантюре», т.е. активному участию в разных формах в делах бывшей российской, а ныне становившейся советской Центральной Азии⁴⁴. Одновременно в документе указывалось, что «небезопасно основываться на этом» и «было бы, разумеется, безумием как-либо поощрять афганские интриги на северной границе, особенно именно сейчас, когда представители Британской империи и Советской России согласились предпринять достойные усилия по достижению взаимопонимания в Генуе»⁴⁵. Д. Брэй не был склонен придавать особую важность этому интервью. Одновременно Э.В. Хоуэлл, стремясь, судя по всему, не допустить в Лондоне впечатления о слишком мягкой позиции Хамфриса по ряду приграничных вопросов между Индией и Афганистаном, занятой им изначально, но впоследствии исправленной, отмечал, что «было бы бесполезно, а также оскорбительно намекать на ошибку в этом отношении при пересылке телеграммы с комментарием правительства Индии Государственному секретарю (главе британского МИД лорду Керзону. — А.У.)»⁴⁶. Одновременно он предлагал направить отдельное письмо, объясняющее медлительность британского представителя в Кабуле. Хоуэлл предполагал направить копии телеграммы главе британского МИД, а также по ряду адресов, включая Мешхед, Тегеран и Кашгар. Однако Д. Брэй высказался против: «Не считаю необходимым»⁴⁷.

Бухарская тема в ее разных формах как в общеполитическом измерении, так и на уровне конкретных лиц, способных повлиять на ситуацию, довольно серьезно воспринималась британской администрацией Индии. Очередным подтверждением этому стала история с генерал-майором Мир Хайдар Касымовичем Мирбадалевым, которого офицер по политическим вопросам в Сиккиме обозначил в телеграмме в Симлу от 15 апреля 1922 г. как Хайдара Ходжу Мирбадалеффа. Британцам генерал-майор был известен еще до революционных событий в России в 1917 г. как глава канцелярии бухарского эмира по русским делам, а также своим участием в спасении британского разведчика Ф. Бейли в 1918 г. После свержения эмира он бежал из Бухары и, как сообщалось в упоминавшейся телеграмме, направлялся в Симлу. Реакция Д. Брэя на это была крайне негативной, что и было отмечено в его специальной записке, направленной в виде телеграммы в Сикким, а также министру по делам Индии британского правительства У. Пилю⁴⁸. Сославшись на разговор с начальником Генерального штаба британских сил в Индии (К.У. Джейкобом), согласным с мнением Брэя, «было бы ошибкой разрешить Мирбадалеву прибыть в Симлу»: «Было бы естественным, если бы мы держались от этих бухарских дел как можно дальше»⁴⁹.

В то же время, ради получения важной для британской стороны информации, рекомендовалось направить к генералу и сопровождавшим его лицам майора Бейли, являвшегося его старым знакомым, «способным как никто выпотрошить его и его друзей». Одновременно о прибытии Мирбадалева специальной телеграммой 18 апреля был

⁴⁴ NAI. Identifier PR_000003030695. File No. Home_Political_NA_1923_NA_F-160_Part-Iii. Repository II. Question of Recognition by HM Government of the Independence of Bokhara and Khiva. Situation in Russian Turkestan and Bokhara. Telegram from His Majesty's Minister at Kabul, addressed (presumably) "Katopon", Serial N 20 N 43 dated the 22nd (received the 23-rd) April 1922. P. 11.

⁴⁵ Ibidem.

⁴⁶ Ibidem.

⁴⁷ Ibidem.

⁴⁸ Ibid. Letter from the political officer, Sikkim, N 824-G., dated the 20th (received the 26th) April 1922. Forwards gist of statement by Mirbadaleff. P. 11.

⁴⁹ Ibidem.

поставлен в известность министр по делам Индии. Со своей стороны, Э.Б. Хоуэлл в резолюции на письме из Сиккима, направленном 20 апреля и полученном в Симле 26 апреля 1922 г., отметил, во-первых, отсутствие необходимости предпринимать какие-либо действия и, во-вторых, соответствие полученных у Мирбадалева сведений в той или иной степени с имевшимися уже у британской стороны⁵⁰.

Неопределенность происходившего в Центральной Азии, где участниками регионального конфликта являлось несколько сил, нередко входивших во временные союзы друг с другом, порождала распространение слухов, которые отчасти служили «серой» или «черной» пропагандой противостоявших сторон. Поэтому полученная на границе в марте 1922 г. британским агентством Гилгит, занимавшимся княжеством Джамму и Кашмир, информация о ситуации в Бухаре, несмотря на ее неподтвержденность, была передана в Симлу: отмечалось «настоячивое циркулирование слухов на границе о том, что большевики восстановили у власти в Бухаре бежавшего короля (эмира. — А.У.) на основании нескольких условий, которые он принял. Говорят, что он отбыл обратно в свою страну»⁵¹.

Во второй половине апреля 1922 г. британский представитель в Кабуле сообщал в Симлу о накалившейся в афганской столице атмосфере, что вызвало вопросы у Брэя и Хоуэлла. На запрос, отправленный Хамфрису, британский дипломат ответил 26 апреля 1922 г. специальной телеграммой Брэю, в которой писал: «Афганцы до такой степени сильно заинтересованы в случае конфликта с Россией и эвакуации из Бухары в заверениях британской поддержки, что даже общие намеки на возможное использование Хайберской железной дороги с целью борьбы с проникновением России может считаться, при их нынешнем воодушевлении по поводу трудностей для русских в Туркестане, гарантией такой помощи и сподвигнуть их предпринять резкие шаги»⁵². К концу мая 1922 г. также по линии разведки из Мешхеда была получена информация от сына бывшего бухарского кушбеги (визиря) о замене во всех городах Бухарской Республики младобухарцев, занимавших руководящие посты, на большевиков; само младобухарское правительство перестало существовать. Все эти события происходили на фоне усиливавшегося повстанческого движения⁵³.

Учитывая стремление Амануллы-хана усилить свое влияние на «бухарском» направлении, британская сторона обращала особое внимание на действия афганского правительства, направленные на поиск поддержки его планов. Раскол между большевиками и частью младобухарцев-джадидов, фактически перешедших на сторону Антисоветского движения во главе с Энвер-пашой, крайне противоречивые отношения Советской России с поствоенной Германией, а также с рядом государств Востока, в которых большевики хотели видеть союзников против Британии и европейских стран-членов Антанты, рассматривались в британских политических кругах с позиции возможных враждебных действий, различных из упомянутых сил, против британских позиций на Востоке. Любые контакты афганской стороны по центральноазиатским делам с отдельными известными политическими и общественными деятелями за рубежом, иностранными общественно-политическими организациями и зарубежными государствами пристально изучались дипломатической и разведывательными службами Британии. Свою роль в этом играло Управление индийской политической разведки, формально относившееся к структуре военной разведки. Оно вело основную работу за пределами британской Индии и собственно Британских островов, прежде всего в Европе, и отслеживало за рубежом политическую активность выходящих из Индии, вовлеченных в опасную

⁵⁰ Ibid. P. 12.

⁵¹ Ibid. Extract from Gilgit Agency political Diary for March 1922. P. 13.

⁵² Ibid. Telegram P., N 82, dated the 26yh (received 29th) May 1922. From — His Britannic Majesty's Minister at Kabul. P. 19.

⁵³ Ibid. Extract from Meshed Intelligence Diary n 15 for period ending 29th May 1922. Bokhara. P. 27.

деятельность с точки зрения внутривосточного положения империи, а также ее отдельных частей. Именно по линии Управления 8 июня 1922 г. была направлена разведывательная информация через Департамент общественной безопасности и юстиции британской администрации в Индии Государственному секретарю (министру) по делам Индии, а через Разведывательное бюро Департамента внутренних дел – британскому индийскому правительству о том, что «афганцы рассчитывают на территориальное расширение и смотрят на Бухару»⁵⁴. По сведениям Управления, представительство Афганистана в Берлине «намекнуло на то, что Германия согласилась бы повлиять на Россию в этой части, если бы поведение Афганистана оправдало подобные действия со своей стороны»⁵⁵. Таким образом, вовлечение германского фактора в бухарские дела с учетом характера взаимоотношений между Советской Россией и Германией, действий последней накануне и в период Первой мировой войны на афгано-иранском направлении совместно с Османской империей и германо-турецких планов в отношении Туркестана в годы прошедшей войны давало основания для беспокойства.

Распад младобухарско-большевистской коалиции, окончательно произошедший после перехода ряда руководящих деятелей БСНР на сторону восставших и поддержавших Энвера-пашу, стал еще одним важным фактом в общей цепи событий в регионе, все более способствовавших обеспокоенности британцев. В то же время информация о происходивших внутривосточных коллизиях, случавшихся в непосредственной близости от границ британской Индии, продолжала нередко запаздывать. 15 июня 1922 г. глава Разведывательного бюро Северо-Западной пограничной территории, размещавшегося в Пешаваре, Дж.М. Иварт направил Э.Б. Хоуэллу письмо, содержащее перевод статьи из афганской газеты «Ислах» о прибытии в Афганистан «Усмана Хаджи, Президента Бухарской Республики» – Усманходжи Пулатходжаева – через границу около Мазари-Шерифа в сопровождении нескольких лиц и о предоставлении афганским правительством ему убежища⁵⁶. Не исключено, что речь шла о так называемом визите У. Ходжи в Кабул 29 апреля 1922 г., когда он как глава БСНР пытался подписать договор с афганским эмиром о взаимной борьбе с большевизмом, что не увенчалось успехом.

Эта информация, несмотря на опоздание, тем не менее, имела важное значение с точки зрения принятия решения о признании независимости Бухары. В газетной статье также ставился вопрос, почему, хотя обе стороны – бухарская и афганская – «сражаются вместе за свободу, и советская сторона признала их независимость, большевики воюют против них в противоречии с их собственными договоренностями и против желания жителей, в связи с чем большее число бухарских беженцев эмигрирует на афганскую территорию ежедневно и сообщает об ужасных впечатлениях относительно условий, царящих там?»⁵⁷. Сам Хоуэлл в кратком комментарии отмечал: «Нет ничего удивительного. Если бы ситуация развивалась в противоположном направлении, это было бы странным, потому что для европейских держав стало характерной чертой возвращаться к своим обещаниям (используемых для прикрытия подлинных действий. – А.У.). И опять-таки существование двух сторон (хотя они могли и действовать вместе) отдает расколом, который, должно быть, являлся работой неких иностранных доброжелателей»⁵⁸.

К началу июля 1922 г. британской стороне становилось все более очевидно положение дел на «бухарском направлении»; через разведывательные каналы поступали доклады

⁵⁴ Ibid. Extract from Director, Intelligence Bureau, File unofficial N 46-M. A.-22. Noted received with I.P.I's N 285 and 293, dated 1st June 1922 and 8th June 1922 respectively, regarding activities of Afghans in Europe. German overtures to Afghanistan. P. 40.

⁵⁵ Ibidem.

⁵⁶ Ibid. Dated Peshawar, the 15th June 1922. From – J.M. Ewart, Esq., Intelligence Bureau. To – E.B. Howell., Esq., C.S.I., C.I.E., Deputy Secretary to the Government of India, Foreign and Political Department, Simla. H. 27.

⁵⁷ Ibid. P. 27.

⁵⁸ Ibidem.

о постепенном усилении контроля Советов над Бухарой. Согласно сведениям, поступившим в пешаварское Разведывательное бюро, «правительство Бухары ныне полностью русское, члены правительства Бухарской Советской Республики либо уже дезертировали к повстанцам, либо были помещены в заключение в Ташкенте как ненадежные»⁵⁹.

Вполне естественным на этом фоне становилось пристальное внимание британской стороны к действиям афганских властей, поскольку именно эмир Аманулла-хан настаивал на признании независимости Бухары и Хивы британским правительством. Особое значение придавалось реакции официального Кабула на начавшиеся внутривнутриполитические изменения в БСНР на фоне продолжавшегося повстанческого движения в Центральной Азии. Складывавшиеся обстоятельства придавали важность направленному из Кабула сообщению военного атташе полковника У. Фрейзера, в котором он комментировал перевод статьи «Афганистан и Россия» из газеты «Амман-и Афган» (полное название — «Афганский мир», в письме делалась ссылка на сокращенную форму — «Афган»). Сам материал представлял собой фактически программное заявление сменившего М. Тарзи в июне 1922 г. нового главы афганского МИД Мохаммада Вали Хана Дарвази, известного дипломата, участника афганской делегации, заключившей российско-афганский договор об установлении дипломатических отношений в 1919 г. Как отмечал британский военный представитель, наряду с утверждениями о нейтралитете Афганистана, призванными удовлетворить требования России, подчеркивалась и его заинтересованность в независимости Бухары, в дела которой, отмечал Фрейзер, по мнению министра, «Россия также не имеет права вмешиваться»⁶⁰. Несмотря на возможную интерпретацию подобного шага афганской стороны как уступка угрозам со стороны России, Дарвази «оставляет открытой дорогу Афганистану для дальнейших действий в более пропорциональном виде с целью достижения лелеяемой мечты о буферном государстве»⁶¹. Военный департамент, Управление разведки и Департамент внутренних дел британской администрации Индии оценили ситуацию в комментарии к телеграмме британского представителя в Кабуле, полученной в Симле 15 августа 1922 г.: подполковник Хамфрис «уже отметил просчеты афганцев и нам нечего что-либо добавить к тому, что он сказал»⁶².

События, разворачивавшиеся в Восточной Бухаре, приобретали все большую известность и за пределами Центральной Азии, хотя поступающая информация носила нередко противоречивый характер. Действия Энвер-паши, о которых британская сторона, как, впрочем, и большая часть «внешнего мира», включая приграничные с регионом соседние с ним государства, узнавала с опозданием, оставались в центре внимания британцев на протяжении конца лета — осени 1922 г., несмотря на его ликвидацию 4 августа 1922 г., о чем британцам в Кабуле сообщил в конце августа 1922 г. Ф. Раскольников⁶³. Бухарский вопрос исключался из внешнеполитической повестки дня британской дипломатии на Востоке. На заседании Палаты общин британского парламента 3 августа 1922 г. капитан-лейтенант Дж. Кинворти, он же лорд Стрэболджи, выступавший за независимость Индии и являвшийся непримиримым противником премьер-министра Д. Ллойд Джорджа, обратился к последнему с вопросом о ситуации, складывавшейся вокруг Энвера, о действиях «его сторонников в Бухаре и Туркестане», о наличии связей британского правительства или британской администрации Индии с ним как на официальном, так и на

⁵⁹ Ibid. Extract from the Intelligence Bureau, North-West Frontier Province Diary, N 26, for the week ending the 8th July 1922. P. 34.

⁶⁰ Ibid. Extract from the Military Attaché Kabul Diary N 20 for the week ending 1st August 1922. P. 45.

⁶¹ Ibidem.

⁶² Ibid. Telegram from His Majesty's Minister, Kabul, N 180, dated the 7th (received 15th) August 1922. P. 47.

⁶³ Ibid. Extract from Diary of the Military Attaché, Kabul, N 23 for the week ending the 22nd August 1922. P. 53.

неофициальном уровне, а также о существовании «какой-либо договоренности, либо подготовке любого вида таковой между ним и представителями [британского] правительства»⁶⁴. В ответ глава британского правительства заявил, что власти, во-первых, располагают незначительной информацией о действиях Энвер-паши и его сторонников, и ему нечего добавить к публикациям прессы, и, во-вторых, правительство не имеет никаких связей с главой повстанцев⁶⁵.

И все же британцы внимательно отслеживали все происходившее в среде бухарской эмиграции в Афганистане и вокруг бывшего бухарского эмира⁶⁶. В конце августа — начале сентября 1922 г. Разведывательное бюро в Пешаваре сообщало в Симлу о распространившихся слухах приезда делегации бухарцев к Сеид Алим-хану с целью убедить его вернуться в Бухару. Бывший бухарский правитель обратился за советом к Аманулле-хану, но получил якобы ни к чему не обязывающий ответ. Та же делегация утверждала, что Энвер-паша жив. В свою очередь в бюро ссылались на публикацию в проправительственной газете «Итихад-и Машрики», согласно которой смерть Энвер-паши лично подтвердил в телефонном разговоре глава афганского МИД⁶⁷. Таким образом, к осени перспективы развития «бухарской ситуации» стали проясняться: большевики продолжают свое наступление на силы повстанцев, которые уже не могли претендовать на захват власти в Бухаре (как, впрочем, и в Хиве); сам бывший бухарский эмир не обладает никакими возможностями повлиять на ситуацию и уж тем более возглавить борьбу против большевиков; бежавшие из Бухары бывшие члены правительства БСНР не внушали доверия, так как сами участвовали в свержении эмира, а затем стали союзниками Энвер-паши с его мегаломанскими планами в регионе. Не меньшие сомнения вызывал и Аманулла-хан, имевший собственные и совершенно неприемлемые для британцев планы усиления позиций Афганистана в регионе. Все эти события проходили на фоне сложных советско-британских отношений. Признание британской стороной бухарской независимости становилось к осени 1922 г. практически невозможно как по внутрибухарским, так и международным причинам.

Библиография

Абдуллаев К.Н. От Синьцзяна до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX века. Душанбе, 2009.

Генис В.Л. «Бутафорская революция», или российское полпредство в Хиве в 1920 г. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2000. № 2. С. 5–26.

Генис В.Л. «С Бухарой надо кончать...» К истории бутафорских революций: Документальная хроника. М., 2001.

Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг. От интервенции к признанию. СПб., 2019.

Тихонов Ю.Н. Джемаль-паша в Афганистане и Советской России в 1921–1922 гг. // Восточный архив. 2010. № 2 (22). С. 50–62.

⁶⁴ House of Commons. Debates. Enver Pasha. 3 August 1922 // The Parliamentary Debates. Official Report. Fifth Series- Volume 157. Fifth Session of the Thirty-First Parliament of the United Kingdom of Great Britain and Ireland. 13 George V. House of Commons. Seventh Volume of Session, 1922. Comprising Period from Monday, 24th July, to Friday, 4th August, 1922. London, 1922. Col. 1664.

⁶⁵ Ibidem.

⁶⁶ NAI. Identifier PR_000003030695. File No. Home_Political_NA_1923_NA_F-160_Part-Iii. Repository II. Question of Recognition by HM Government of the Independence of Bokhara and Khiva. Situation in Russian Turkestan and Bokhara. Extract from the North-West Frontier Province Intelligence Bureau Diary N 34 for the week ending the 7th September 1922. P. 57. О центрально-азиатской эмиграции и ее общественной и политической активности в странах Востока см.: *Абдуллаев К.Н.* От Синьцзяна до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX века. Душанбе, 2009.

⁶⁷ NAI. Identifier PR_000003030695. File No. Home_Political_NA_1923_NA_F-160_Part-Iii. Repository II. Question of Recognition by HM Government of the Independence of Bokhara and Khiva. Situation in Russian Turkestan and Bokhara. Extract from the North-West Frontier Province Intelligence Bureau Diary N 34 for the week ending the 7th September 1922. P. 57.

Улунян Ар.А. Туркестанский плацдарм. 1917–1922. Британское разведывательное сообщество и британское правительство. М., 2019.

Шерстюков С.А. Энвер-паша, Джемаль-паша и Талаат-паша между Москвой и Берлином (1918–1922) // Восток. Afro-азиатские общества: история и современность. 2018. № 4. С. 55–69.

Correspondence respecting Afghanistan. Confidential. Part 1. January to December 1922. Printed for the use of the Foreign Office. UK. 1922.

Dumont P. La fascination du bolchevisme: Enver pacha et le parti des soviets populaires, 1919–1922 // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1975. Vol. 16. № 2. P. 141–166.

Erşan M. Hüsein Fevzi Bey'in, Enver Paşa – İslam İhtilal Cemiyetleri İttihadı – Anadolu ilişkilere dair raporu // Turkish Studies International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. 2009. Vol. 4/3. S. 952–975.

The Parliamentary Debates. Official Report. Fifth Series – Volume 157. Fifth Session of the Thirty-First Parliament of the United Kingdom of Great Britain and Ireland. 13 George V. House of Commons. Seventh Volume of Session, 1922. Comprising Period from Monday, 24th July, to Friday, 4th August, 1922. London, 1922.

Sirdar Ikbāl Ali Shah. The Federation of the Central Asian States under the Kabul Government // Journal of the Central Asian Society. 1921. Vol. VIII. Part I. P. 29–48.

Yenen A. The Other Jihad: Enver Pasha, Bolsheviks, and Politics of Anticolonial Muslim Nationalism during the Baku Congress 1920 // The First World War and its Aftermath: The Shaping of the Middle East / ed. T.G. Fraser. London, 2015. P. 273–293.

References

Abdullayev K.N. Ot Sin'tszyanya do Khorasana. Iz istorii sredneaziatskoy emigratsii XX veka [From Xinjiang to Khorasan. From the history of the Central Asian emigration of the 20th century]. Dushanbe, 2009. (In Russ.)

Genis V.L. “Butaforskaya revolyutsiya”, ili rossiysskoye polpredstvo v Khive v 1920 g. [“Fake revolution”, or the Russian embassy in Khiva in 1920] // Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost' [Orientis. Afro-Asian Societies: History and Modernity]. 2000. № 2. S. 5–26. (In Russ.)

Genis V.L. “S Bukharoy nado konchat...” K istorii butaforskikh revolyutsiy. Dokumental'naya khronika [“We must end with Bukhara...” On the history of fake revolutions. A documentary chronicle]. Moskva, 2001. (In Russ.)

Sergeyev Ye.Yu. Bol'sheviki i anglichane. Sovetsko-britanskiye otnoshe-niya, 1918–1924 gg. Ot interventsii k priznaniyu [The Bolsheviks and the British. Soviet-British relations, 1918–1924. From intervention to recognition]. Sankt-Peterburg, 2019. (In Russ.)

Sherstyukov S.A. Enver-pasha, Dzhemal'-pasha i Talaat-pasha mezhdou Moskvoy i Berlinom (1918–1922) [Enver Pasha, Dzhemal Pasha and Talaat Pasha between Moscow and Berlin (1918–1922)] // Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost' [Orientis. Afro-Asian Societies: History and Modernity]. 2018. № 4. S. 55–69. (In Russ.)

Tikhonov Yu.N. Dzhemal'-pasha v Afganistane i Sovetskoy Rossii v 1921–1922 gg. [Dzhemal Pasha in Afghanistan and in Soviet Russia in 1921–1922] // Vostochnyy arkhiv [Oriental Archive]. 2010. № 2 (22). S. 50–62. (In Russ.)

Ulunyan Ar.A. Turkestanskiy platsdarm. 1917–1922. Britanskoye razvedyvatel'noye soobshchestvo i britanskoye pravitel'stvo [Turkestan bridgehead. 1917–1922. British intelligence community and British government]. Moskva, 2019. (In Russ.)

Correspondence respecting Afghanistan. Confidential. Part 1. January to December 1922. Printed for the use of the Foreign Office. UK. 1922.

Dumont P. La fascination du bolchevisme: Enver pacha et le parti des soviets populaires, 1919–1922 // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1975. Vol. 16. № 2. P. 141–166.

Erşan M. Hüsein Fevzi Bey'in, Enver Paşa – İslam İhtilal Cemiyetleri İttihadı – Anadolu ilişkilere dair raporu // Turkish Studies International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. 2009. Vol. 4/3. S. 952–975.

The Parliamentary Debates. Official Report. Fifth Series – Volume 157. Fifth Session of the Thirty-First Parliament of the United Kingdom of Great Britain and Ireland. 13 George V. House of Commons. Seventh Volume of Session, 1922. Comprising Period from Monday, 24th July, to Friday, 4th August, 1922. London, 1922.

Sirdar Ikbāl Ali Shah. The Federation of the Central Asian States under the Kabul Government // Journal of the Central Asian Society. 1921. Vol. VIII. Part I. P. 29–48.

Yenen A. The Other Jihad: Enver Pasha, Bolsheviks, and Politics of Anticolonial Muslim Nationalism during the Baku Congress 1920 // The First World War and its Aftermath: The Shaping of the Middle East / ed. T.G. Fraser. London, 2015. P. 273–293.